
ДОМИНИРУЮЩИЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КОРПОРАТИВИЗМА: РОССИЙСКАЯ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ВЕРСИЯ

Д.А. Орлов

Кафедра политических наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена анализу особенностей развития и операционализации концептуальных идей и подходов к анализу корпоративизма для теоретического решения проблемы агрегирования, артикуляции и представительства интересов гражданского общества и отдельных его групп. Автор рассматривает доминирующие точки зрения по вопросам корпоративизма в контексте современной российской действительности.

Ключевые слова: корпоративизм, гражданское общество, политическое управление.

Современное российское общество сталкивается с усложняющейся системой общественных, экономических и политических отношений. В логике развития этих отношений не стоит искать нечто особенное, свойственное лишь такому обществу и такому государству, как российское общество и Российская Федерация. Представителями мировой политологической элиты оценка подобного процесса трактуется в терминах, иных только по набору слов, но все с той же неопределенностью; даже как бы сознательно напускается завеса туманности, когда в научный оборот вводятся выражения типа «глобальная конвергенция политических и экономических институтов становится все очевиднее». Очевидно одно. В таких условиях сталкиваются интересы конкурирующих социально-политических сил. Результаты этих столкновений, совместных обсуждений и принятых решений закрепляются в нормативных актах, приобретают юридически-легитимный характер. Если следовать традиции, то такую форму отношений можно было бы называть партнерством (союзом) — раньше классовым, теперь — социальным. Нет никаких оснований к тому, чтобы назвать современные отношения и корпоративистскими.

Исследователи этой темы советуют быть осторожными, чтобы придать корпоративистским отношениям универсальный характер во взаимоотношениях между государством и обществом (См.: [1]). На наш взгляд, проблема не только в том, чтобы не допустить подмены государственно-политических отношений корпоративистскими, сколько в том, что идет поиск, во-первых, форм отношений, как сверху, так и снизу; во-вторых, определения уровней и масштабов и предпочтений влияния на политику и общество либо государственных, либо корпоративных институтов. В политическом смысле принципиальное значение приобретает не проблема отношений и соотношений корпоративных отношений с отношениями политическими, а то, какая политическая сила, какой спектр политических идей инициирует и регулирует эти процессы. Операционализация концептуальных идей корпоративизма — один из путей разобраться в этих проблемах.

При операционализации концептуальных подходов к анализу корпоративизма в современной политологии используются несколько основных подходов — плюралистический, элитистский.

Об особенностях использования этих подходов написано много. Стоит, однако, добавить, что помимо этих основных подходов в решении проблемы групповых форм представительства интересов и группового поведения причастны и другие научно-теоретические концепции. К ним относится также неомарксистский. Но в центре нашего внимания остается упоминаемый всеми специалистами-аналитиками и экспертами корпоративистский/неокорпоративистский (См.: [10]).

Правда, самый титулованный специалист среди российских исследователей проблемы корпоративизма С.П. Перегудов несколько по-другому подходит к перечню основных подходов в концептуализации корпоративизма: «Если отвлечься от целого ряда „частностей“, хотя порой и достаточно важных, то можно идентифицировать три основные концепции, имеющие прямое отношение к роли крупных корпораций в системе взаимодействия общества и власти. Это элитизм, плюрализм и корпоративизм» [4. С. 206].

Все эти подходы предназначены для теоретического решения проблемы агрегирования и артикуляции, в некоторых случаях представительства интересов гражданского общества и отдельных его групп в определенном политико-экономическом обществе.

Основная задача с политологической точки зрения теории корпоративизма в ее операционализации — ответить на реалии политических вызовов современности в контексте российской действительности.

Одна из версий политических реалий российской действительности исследователями трактуется следующим образом: «Корпоративизм, в его исходном варианте, — не просто позитивная ориентация на использование корпораций в качестве действенного инструмента реализации групповых интересов путем согласований и компромиссов, как это иногда считают. Это — своеобразная самостоятельная модель государственного устройства, противопоставляемая демократической системе, основу которой составляет представление о народе как источнике власти, а также о равенстве и полноправии граждан. В соответствии с канонами этой модели корпорации, охватывая всю совокупность самодеятельного населения и группируя его в соответствии с сословными, профессиональными и некоторыми иными признаками, должны обладать монополией на осуществление связей между обществом и властными структурами, заменив и вытеснив все остальные каналы таких связей, и прежде всего партии, общественные движения и общегражданские представительные органы — от местного самоуправления до парламента» (См.: [1]). Другими словами, в контексте политической действительности корпоративизм составляет сложившуюся модель государственного и общественного устройства, подготовившуюся для ответа на глобальные и национальные вызовы.

Что это за вызовы и в границах какой модели общества они актуализируются, можно видеть из стереотипов тех мнений, которые формируют сознание и поведение международных политических акторов по отношению к современ-

ной России. Известный американский специалист по России С. Роузфельд в своем исследовании «Россия в XXI веке. Расточительная сверхдержава» показал, что Россия намерена возродиться как полноценная сверхдержава, способная соперничать с США и Китаем в новой потенциальной гонке вооружений. Он также считает, что Россия сохранила милитаризованную структуру экономики, что она «генетически закодирована на имперские замашки» [9. Р. 134—135]. Нынешнюю российскую экономическую модель он называет «московитской моделью», сравнивает ее с особенностями экономики Московской Руси (поместье, кормление, круговая порука, неравенство) и с экономикой Третьего рейха при Я. Шахте (видимость свободного рынка и частной собственности, исключительная послушность представителей бизнеса, угрозы казней или отправки в концлагерь).

Было бы легко объяснимо, если в этом можно было бы видеть только бытующее ныне мнение в среде западных интеллектуалов. Но российская действительность дает основания для того, чтобы если и не признавать такую логику приемлемой, то считать достойной для внимательного отношения к аргументации и фактам политических оппонентов, для взвешенного обсуждения такой интерпретации. Корпоративизм как теория и реальная практика в российской политике к этому располагает.

В России сложилась парадоксальная ситуация. При огромном богатстве недр: нефть, газ, платина, золото, другие полезные, ценные и редкие минералы, наконец, леса, плодородные земельные угодья, речные и морские водные пространства, пресная вода, достаточно еще чистый воздух, огромное число людей живет в бедности. Найти объяснение этому с политологической точки зрения — не простая, но открытая и посильная задача. А.И. Солженицын склонен считать причиной такой ситуации слабость государства [5. С. 676]. Тогда логичным будет полагать усиление корпоративизма, групп людей, объединенных корпоративными интересами. Если государство проявляет слабость, не ставит судебные, правовые, законодательные, репрессивные препятствия людям корыстным, естественно, что оно способно нанести ущерб обществу, и не только материальный, но и моральный. Развивая мысль в этом направлении, следует обратить внимание на то, что как государство часто подменяется суррогатной формой, своим виртуальным аналогом, так и корпоративизм, изначально позитивно объединяя всех участников процесса, может мимикрировать. И тогда вместо корпоративных групп, с их специфическими интересами работодателя и работника, интересами совершенствования профессионализма, живой и творческой работы, охваченного едиными интересами сообщества, на поверхность политической жизни выходит коррупционизм, «организатор эпидемии грабительства».

Применение и использование корпоративизма как теоретического подхода разделяет политологическое сообщество по конкурирующим политологическим школам. Поскольку объект исследования один и тот же (корпоративизм как политический инструмент), то между ними происходит оживленный обмен мнениями, приводящий к формированию своеобразного «общего рынка» идей. Сразу же стоит признать, в настоящее время сосуществуют различные *теории концепту-*

ализации корпоративизма, каждая из которых затрагивает лишь какую-то одну часть из общей его структуры. Тем самым ограничиваются возможности комплексного видения проблемы, но в то же время каждая из теорий может продуцировать свое внутренне развитие, которое обеспечивает появление других теоретических и концептуальных версий одного и того же предмета. Так происходит, в частности, и с концептуализацией корпоративизма.

Здесь исследователями отмечается следующий факт: «Вместе с тем корпоративистский подход оказал влияние на формирование еще одной концепции ППР — модели политико-управленческих сетей» (См.: [10]).

Таким образом, можно констатировать, что совокупными усилиями ученых разных научных школ, мировоззрений и политических пристрастий концептуально отношения власти и бизнеса в парадигме корпоративизма сегодня объясняются теориями элитизма, плюрализма и, собственно, корпоративизма. Присовокупляются к этим теоретическим построениям также теории «новых правых» и марксистов (неомарксистов) [7. С. 98—101; 334—351]. Такова общая логика и доминирующая точка зрения на концептуализацию корпоративизма, подтверждаемая мнением большинства специалистов в этой области [3. С. 206].

Надо признать к тому же, что у основания новых исследовательских подходов к корпоративизму серьезная научно-теоретическая и прикладная база, подготовленная трудами сотен ученых за всю историю развития политической науки.

Исследователь нового взгляда на эту проблему должен считаться с тем очевидным фактом, что уже произошло теоретико-методологическое и концептуальное оформление эволюции самого процесса развития корпоративизма и значения современного уровня корпоративистского подхода к развитию. В аналитике и экспертных оценках нашло в общих чертах объяснение процесса его экспансии вглубь и вширь. Все это обусловило его поистине уникальную роль в общественном и политическом развитии, но, тем не менее, не сняло с повестки дня исследовательскую задачу по изучению и пониманию этого явления в своей онтологической сущности и его новой политической функции.

Корпоративизм не может быть за пределами происходящих ныне изменений характера труда, которые оправданно рассматриваются авторитетными учеными (См.: [6]) в качестве главной причины происходящей в современном мире модификации отношений собственности, обмена и власти. Это особенно актуально для современного этапа развития России, когда в центре внимания Президента РФ, правительства, национально ориентированного бизнес-сообщества вопросы модернизации российской экономики, ее технологического уровня, управления, политической системы, поиска оснований и ресурсов движения по инновационному пути.

Свежи в памяти еще огромное доверие, искренняя надежда на первые действия по реформированию в эпоху перехода от советского к демократическому обществу. Все верили и хотели прикоснуться к реальному политическому процессу, к участию в общественных и государственных делах. Но, выходит, жестоко обманулись. Реформы провалились. Лидеры и правящий класс новой России

разбили веру в реформы и сами реформы провалили. Много трудней будет поднять общество на модернизацию, ибо вновь может произойти лишь подмена терминов, а суть останется прежней. 20 лет ошибок, связанных с преобразованием страны, — свидетельство того, что реформы не удались. Не удались с позиции народного большинства, потому как они ни в экономическом, ни в социальном, ни в политическом планах не создали задела приемлемых форм и условий для все того же народного большинства.

Сложившаяся исследовательская школа (точнее, школы) корпоративизма, получив адекватные на этот счет результаты, не избавила политическую науку и общество в целом от необходимости продолжать заниматься данной многогранной проблемой. По-разному складываются представления, в частности, о характере и масштабах факторного влияния корпоративизма на трансформацию современного политического процесса. В наибольшей степени они находятся в зависимости от несовпадающих оценок корпоративизма по двум параметрам: как явления политической жизни и политического процесса, с одной стороны, и как концепта политической теории, с другой. Если выстроить схематичную линию связи корпоративизма как части политического процесса с самим политическим процессом, более того, как некой активной его части, способной трансформировать сам политический процесс, то в концептуальной принадлежности будет логичным придерживаться традиционного в политической науке приема — выделения базовых теоретико-концептуальных схем для распознавания исследуемого явления, где во главу угла ставится проблема концептуализации самого понятия [2. С. 39].

Особенности развития современного политического процесса в России на фоне асимметрии демократизации страны диктуют необходимость определения адекватной исследовательской теоретико-методологической конструкции анализа корпоративизма. В этом контексте наиболее приемлемой теоретико-методологической исследовательской моделью может быть такая модель, которая включает два очень важных фактора, акцентуированных по следующим направлениям.

Во-первых, наиболее значимой в области теоретического знания о корпоративизме для российской политической действительности является проблема сущности корпоративизма. Возможно, что на первое место выдвигается задача, с одной стороны, понимания первичного, изначального смысла этого явления, с другой, — устранения из него последующих наслоений, толкований, использование которых в политической практике продуцирует не имманентные этому феномену свойства и функции либо привносит перекосы за счет выпячивания одной из частей самой двойственной природы корпоративизма. Уточнение сущности корпоративизма сегодня сняло бы возложенные неоправданные на него надежды в продвижении выстраиваемого нового политического курса в стране, точнее, определило бы его реальные возможности/ограниченности и ролевые функции.

Во-вторых, конечно же, оправданными были и остаются исследования «глобализационной» интерпретации корпоративизма. Но столь же актуальным для теории, применительно и к трансформационным изменениям политических отношений в современной России, является весь комплекс проблем адаптации и натурализации корпоративизма и его новой версии — «неокорпоративизма» на на-

циональной почве. Понятийно-категориальный аппарат, отражающий всю корпоративистскую проблематику, порядок ее использования и интерпретации, имеет существенное значение и остается проблемой номер один политической науки. «Длительное существование неокорпоративистских институтов на общенациональном и макроэкономическом уровнях, несомненно, имело определенные позитивные следствия: рост управляемости населения, падение забастовочной активности, большую сбалансированность бюджета, повышение эффективности финансовой системы, снижение уровня инфляции, сокращение безработицы, уменьшение нестабильности в рядах политических элит и затухание тенденции использовать „политический цикл деловой активности“». Все это означает, по мнению известных исследователей этой проблемы, что страны, дальше других продвинувшиеся по пути корпоративизма, являются более управляемыми, что, однако, не делает их более демократическими» (См.: [8]).

По отношению к странам типа России комбинация соотношения между корпоративизмом, степенью его проникновения в ткань государственной и общественной жизни и такими элементами, как управляемость и демократизм, сможет иметь несколько иную конфигурацию. То, что принадлежит к сильным сторонам в западных обществах, в России имеет обратное значение. Законодательная власть тоже, к сожалению, не составляет сильную сторону российского государства. Весомый и авторитетный Совет Федерации был превращен в учреждение назначенцев. Имеются системные слабости в работе Государственной Думы, вызванные прежде всего партийным принципом при принятии ею решений. Депутаты Государственной Думы при таком принципе не представляют интересы избирателей, а отчитываются перед партийным аппаратом и спонсорами партийных структур и партийных функционеров.

Применительно к современности и ближайшему будущему теория корпоративизма столкнется (мы же делаем попытку предвосхитить наметившиеся здесь тенденции) с необходимостью описать в очередной раз старые, но получившие обновленную реинтерпретацию, и новые противоречия.

Интегрированная картина этих противоречий, на наш взгляд, заложена по таким проблемным направлениям, как: 1) признание теоретической узости в анализе корпоративизма по линии «авторитарный» — «плюралистский» и поиска синтезированного теоретического концепта, не обязательно на базе теории конвергенции; 2) анализ корпоративизма как подсистемы в обеспечении политического демократического транзита, выделение его различий в стадиях трансформации и консолидации политического режима; 3) осмысление целей, принципов корпоративизма, путей и способов превращения их в институциональные и процессуальные стратегические действия, закрепление оправдавшей себя корпоративной политической практики не только в теоретических постулатах, но и в идеологических убеждениях.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Галкин А.А.* Корпоративизм как форма отношений между государством и обществом // Полис. — 2000. — № 6.
- [2] *Ильин М.В.* Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М., 1997.

- [3] *Перегудов С.П.* Корпорация в политике // *Политология: Лексикон* / Под ред. А.И. Соловьева. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007.
- [4] *Политология: Лексикон* / Под ред. А.И. Соловьева. — М., 2007.
- [5] *Солженицын А.И.* Из интервью телекомпании РТР // *На возврате дыхания*. — М., 2004.
- [6] *Хард М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М.: Культурная революция, 2006.
- [7] *Хейвуд Э.* *Политология* / Пер. с англ. под ред. Г.Г. Водолазов, В.Ю. Бельского. — М., 2005.
- [8] *Шмунтер Ф.* Неокорпоративизм // *Полис*. — 1997. — № 2.
- [9] *Rosefelde S.* *Russia in the 21st Century. The Prodigal Superpower*. — Cambridge University Press, 2005.
- [10] Сайт: «*Политанализ.Ру*» Российской ассоциации политических наук // URL: <http://www.politanaliz.ru/articles>

THE DOMINATING POINTS OF VIEW IN CONCEPTUALIZATION OF CORPORATIVISM: THE RUSSIAN POLITOLOGICAL VERSION

D.A. Orlov

The Department of Political Science
People's Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

This article analyzes the peculiarities of development and operationalization of the conceptual ideas and approaches to the analysis of corporativism for the theoretical solution to the problem of aggregation, articulation and representation of interests of civil society and its individual groups. The author considers the dominating points of view concerning corporativism in a context of the modern Russian reality.

Key words: corporativism, civil society, political management.